

Глава 14. Плата за страх и расплата

Дорогие братья и сестры!

Шли худые, или босые

В неизвестные края.

Что там? Где она, Россия,

По какой рубеж своя?

Шли однако. Шел и я.

А. Твардовский. «Василий Теркин»

Боль и позор первых месяцев Великой Отечественной войны никогда не сотрутся в истории России, потому что столь сокрушительного поражения никогда не испытывал до 1941 года ни один народ в мире.

В воскресенье 22 июня 1941 года, в четыре часа утра тысячи немецких самолетов начали бомбить и обстреливать советские аэродромы, где множество не готовых к взлету советских самолетов стояли крыло к крылу; большинство их сгорело. Немецкая авиация уничтожала советские склады боеприпасов и горючего. 30 танковых и моторизованных дивизий немцев перешли границу и двигались по всем дорогам в глубь советской территории. Советские части, не управляемые, не имеющие боеприпасов и транспорта, почти не оказывали сопротивления. Самолеты были без горючего и боеприпасов, а зенитную артиллерию еще не установили. Половина советских танков даже не смогла выехать из парков.

К рассвету 22 июня 1941 года Тимошенко, Жуков и заместитель начальника Генерального штаба Н. Ф. Ватутин начали получать тревожные сообщения от командующих. Они докладывали об авиационных ударах и ждали конкретных указаний. Тимошенко велел Жукову позвонить Сталину. Сонный голос начальника охраны генерала Власика спросил:

— *Кто говорит?*

— *Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.*

— *Что? Сейчас? Товарищ Сталин спит.*

— *Будите немедля: немцы бомбят наши города, началась война.*

— *Подождите.*

Сталин подошел через три минуты. Последовала продолжительная пауза, было слышно, как Сталин дышит в трубку. Затем он приказал Жукову и Тимошенко приехать в Кремль и передать Поскребышеву, чтобы тот вызвал членов Политбюро. В 4.40 утра все собрались в кабинете Сталина. Он с побледневшим лицом стоял у стола, держа в руке незажженную трубку. Он еще спросил:

— *Не провокация ли это немецких генералов?*

— *Немцы бомбят наши города. Какая же это провокация? — ответил Тимошенко.*

— *Если нужно организовать провокацию, то немецкие генералы разбомбят и свои города. Гитлер наверняка не знает об этом. Надо срочно позвонить в немецкое посольство.*

Вскоре Молотов вернулся со встречи с немецким послом графом Шуленбергом, который просил его принять в ответ на звонок из Кремля, и доложил, что Германия объявила войну.

Сталин молча опустил на стул. Наверное, это был самый драматический момент в его жизни. Избалованный беспрекословным послушанием, исполнением желаний и пожеланий, привыкший к восхвалению своей мудрости, правоты всех решений, он никак не мог уразуметь, кого обвинить в трагическом просчете. Ему казалось, что он использовал все возможности, чтобы отсрочить начало войны. Вооружения уже начали поступать с оборонных заводов в войска, проводилась интенсивная боевая подготовка армии, укреплялась дисциплина. Члены Политбюро и старшие военачальники, с которыми он обсуждал свои решения, безоговорочно подчинялись его воле, признавая его интеллектуальное превосходство и верховную власть. Он сознавал, что стране грозит уничтожение коммунистического режима, всех его достижений, наконец, его личной власти и жизни.

Он еще пытался как-то воздействовать на события. На утреннем совещании 22 июня он нарушил гнетущую тишину, отдав директиву с требованием перейти в наступление войскам Юго-Западного, Западного и Северо-западного фронтов. Но приказ был нереален: надежной связи с войсками и между войсками не было, армия беспорядочно откатывалась назад, разваливаясь на ходу. Реальная информация в Москву не доходила; Сталин не имел четкого представления о скорости продвижения германских войск и о хаосе, царившем на фронтах. И даже первая директива наркома обороны, отправленная в семь утра, когда немцы, разбомбив аэродромы и склады боеприпасов, уже продвинулись на десятки километров, предостерегала отступающие войска: *«впредь до особого распоряжения наземным войскам границу не переходить»*.

По старой привычке не «засвечиваться» в непопулярных мероприятиях, он послал Молотова выступить по радио перед народом. В 12 часов дня народ был потрясен и ошеломлен внезапным, как твердила пропаганда, коварным нападением. Люди еще верили, что Красная Армия не пустит врага на русскую землю. Сталин и сам стал жертвой пропаганды. Хотя он, как никто другой, знал слабости армии, но в глубине души все-таки не допускал мысли, что враг перейдет границу. В 1939 году он утвердил проект полевого устава, в котором говорилось, что *«Советский Союз встретит нападение любого противника сокрушительным ударом всей мощи своих Вооруженных Сил... Боевые действия Красной Армии будут направлены на полный разгром противника и достижение решительной победы малой кровью»*.

К часу дня 22 июня Сталин позвонил Жукову и сказал, что, так как командующие фронтами не имеют боевого опыта и растерялись, Политбюро посылает его на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки. Там к нему присоединится Хрущев. Шапошников и Кулик выезжают на Западный фронт. На вопрос Жукова, кто в этот критический момент будет руководить Генеральным штабом, Сталин лаконично ответил: «Оставьте за себя Ватутина. Не теряйте времени! Мы тут как-нибудь обойдемся!» Жуков немедленно вылетел в Киев, и оттуда вместе с Хрущевым они выехали на машине в Тернополь, где находился командный пункт командующего фронтом Кирпоноса.

За 4—5 дней немецкие моторизованные дивизии почти без потерь дошли до Днепра и Двины. В их тылу, по лесам и полям, бродили сотни тысяч советских солдат и офицеров, которые частью сдавались в плен, частью пытались пробраться к своим. За линией фронта, на немецкой стороне остались склады оружия, техника и все имущество тех двухсот советских дивизий, которые должны были осенью атаковать Германию. От границы двигались 110 пехотных немецких дивизий, забирая почти без сопротивления бесчисленное количество пленных и брошенную советскими войсками технику. Немецкие войска наступали по трем направлениям: группа «Север» — на Ленинград, группа «Центр» — на Москву, группа «Юг» — на Украину.

Самой серьезной ошибкой стало то, что по всему фронту западной границы войска не были развернуты в глубину, в результате чего германские танковые дивизии, наступая, с ходу обходили стратегические укрепления с флангов и окружали их. Так была обойдена не только Брестская крепость, но и другие укрепления, очаги недолгого сопротивления, брошенные на произвол судьбы. Вопреки пропаганде о монолитной сплоченности народа и армии, многие были обижены советской властью: жертвы раскулачивания, голода, репрессий, устроенных в стране Сталиным. После 1945 года преследования коснулись не только «морально неустойчивых», но и преданных советской власти людей, случайно, по ранению, из-за отсутствия транспорта и неразберихи 1941 года оставшихся за линией фронта, хотя бы и в детском возрасте. Преследовали даже простых жителей, оказавшихся в немецком плену, на оккупированной территории, их отправляли в ГУЛАГ, лишали доступа к высшему образованию, ответственной работе.

Через несколько дней после начала немецкого наступления «обиженные» Финляндия, Румыния и Венгрия тоже объявили войну Советскому Союзу.

26 июня Сталин позвонил Жукову в Тернополь и приказал немедленно возвратиться в Генеральный штаб. Враг приближался к Минску, столице Белоруссии. Было очевидно, что командующий Западным фронтом Павлов потерял управление. Кулик исчез, Шапошников заболел, командующий ВВС западного военного округа генерал Копец застрелился. 28 июня русские войска сдали Минск. Жуков связался по телеграфу с генералом Павловым, стало ясно, что ситуация там безнадежная. *«Это ж чудовищное преступление, — сказал Сталин, — Надо головы снимать с виновных».* На следующий день Сталин приказал Жукову вызвать Павлова в Москву. Когда тот прибыл, Жуков с трудом узнал его — так сильно он изменился за восемь дней войны. Павлова отстранили от командования, и вместе с другими генералами Западного фронта предали суду.

Из протокола допроса арестованного Павлова Д. Г. 7 июля 1941 г.

Вопрос: Приступайте к показаниям о вашей предательской деятельности.

Ответ: Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по не зависящим от меня причинам.

Вопрос: У следствия имеются данные, говорящие за то, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменническими, которые особенно проявились во время вашего командования Западным фронтом.

Ответ: Я не изменник, злого умысла в моих действиях, как командующего фронтом, не было. В час ночи 22 июня с. г. по приказу народного комиссара

обороны я был вызван в штаб фронта. Первым вопросом по телефону народный комиссар задал: «Ну, как у вас, спокойно?» Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге, в течение полутора суток в Сувальский выступ шли непрерывно немецкие мотомехколонны. На участке Августов — Сапоцкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения. На других участках фронта я доложил, что меня особенно беспокоит группировка «Бялоподляска». На мой доклад народный комиссар ответил: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните». Согласно указанию наркома я немедленно вызвал к аппарату ВЧ всех командующих армий, приказав им явиться в штаб армии вместе с начальниками штабов и оперативных отделов. Мною также было предложено командующим привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа и даже недоделанные железобетонные. На это мое распоряжение командующие армиями ответили, что согласно ранее мною данным указаниям, патроны войскам розданы и в настоящее время они приступают к занятию сооружений.

В 3 часа 30 мин. народный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил — что нового? Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, связь с армиями у меня налажена и соответствующие указания командующим даны. Одновременно я доложил наркому, что вопреки запрещению начальником ВВС Жигаревым заправить самолеты бензином НЗ и заменить моторы за счет моторов НЗ, я такое распоряжение отдал Коцу и Таюрскому. Народный комиссар это мое распоряжение одобрил.

В 4.20 Коробков передал, что «на Кобрин налетела авиация, на фронте страшная артиллерийская стрельба». Я предложил Коробкову ввести в дело войска, начинать действовать с полной ответственностью.

После доклада народному комиссару обороны мною было отдано распоряжение штабу вступить в связь в соответствии с нашим планом и особенно в радиосвязь. Проверка ВЧ показала, что эта связь со всеми армиями прервана. Примерно около 5 часов по междугородному телефону обходными линиями мне доложил обстановку Кузнецов. Он сообщил, что войска противника им сдерживаются, но что Сапоцкин весь горит, так как по нему была произведена особо сильная артиллерийская стрельба, и что противник на этом участке перешел в наступление, пока атаки отбиваем.

Противник вывел крупные мехчасти, и наши войска вели с ними упорный бой. В некоторых местах наша пехота под давлением танков противника отходит в общем направлении на Брянск. Командующий 10-й армией бросил в атаку танкистов — около 200 танков. Я указал, что ввод 6-го мехкорпуса в бой должен быть произведен для самого сильного удара, предложив хорошенько разобраться в обстановке и в соответствии с нею действовать.

Вопрос: От народного комиссара вам поступали какие-нибудь указания?

Ответ: Я получал директивные указания ставки исправно в соответствии с обстановкой.

Вопрос: Как дальше развивались события?

Ответ: Получив очень отрывочные данные из штаба 4-й армии о том, что эта армия в районе Жабенка собирается наносить контрудар противнику, я был поставлен этим сообщением в недоумение, не понимая, как могла в такой короткий срок 4-я армия отступить на 30 км от Бреста. Запросил Коробкова и получил ответ от него, что связь с 49-й и 75-й стрелковыми дивизиями он потерял. Место расположения 75-й дивизии знает и поддерживает с нею связь делегатами. Коробков доложил, что он бросает корпус Оборина в контратаку против очень крупных механизированных сил противника и что результат атаки донесет.

Из последующих данных было видно, что Жабенка в этот день 7 раз переходила из рук в руки, что наша пехота всюду выбивала пехоту противника, но все-таки Коробков под давлением мехчастей противника начал отходить в Кобрин.

Далее Кузнецов с дрожью в голосе заявил, что, по его мнению, от 56-й стрелковой дивизии остался номер. Я ему ответил, что напрасно рано паникуешь, люди соберутся. Положение на правом фланге было катастрофическим, так как разрозненные части севернее Гродно с трудом сдерживали натиск противника, а стрелковый полк, находящийся между Коце и Друскеники, был смят ударом с тыла очень крупных механизированных частей. Наконец Кузнецов спросил: «Я чувствую, что нам придется оставить Гродно, в случае чего как быть со складами и семьями начсостава, многие из них уже остались у противника». Я ответил, что при оставлении каких-нибудь пунктов — склады и все добро, которое нельзя вывезти, уничтожить полностью. Кузнецов передал трубку члену Военного совета Бирюкову, который снова спросил — как же быть с семьями? Я ответил: «Раз застал бой, сейчас дело командиров не о семьях заботиться, а о том, как ведется бой».

В 4-й армии была полная растерянность командования, потеряно управление войсками, и противник быстро развивал успех. 4-й армии части дрались за Жабенку, но мне стало известно, что при выходе из Бреста части 42-й и 6-й дивизий и 22-й танковой дивизии были обстреляны огромным количеством артиллерии противника. Противник нанес значительные потери материальной части выходящей из Бреста артиллерии.

Вопрос: Какие меры вами были приняты, как командующим, для предотвращения прорыва фронта?.. Меры эти вы считали достаточно исчерпывающими, чтобы восстановить положение?

Ответ: Нет, недостаточными, но большего я не мог ничего сделать, так как частей у меня не было.

Вопрос: Выступавшая против вас группировка сил противника была вам точно известна?

Ответ: Нет, не точно. Эти данные уточнялись в процессе боя и авиаразведкой.

Вопрос: Вы приняли все меры, чтобы обеспечить армии радиостанциями?

Ответ: Да, все меры на этот счет мною были приняты. Когда в первый день боя Кузнецов позвонил мне и просил прислать радиостанцию, так как имевшиеся у него три были разбиты, я затребовал их из Москвы самолетом. Москва сначала не отвечала, а после повторных моих требований ответила, что выслала 18

радиостанций, но до дня моего ареста эти радиостанции получены не были.

Вопрос: Почему же все-таки немцам удалось прорвать фронт и углубиться на нашу территорию?

Ответ: Превосходство противника как численностью, так и качеством техники. Противником была брошена огромная масса бомбардировочной авиации; эта авиация со всей тщательностью обрабатывала расположение нашей пехоты, а пикирующие бомбардировщики противника выводили из строя орудие за орудием. Господство авиации противника в воздухе было полное, тем паче что наша истребительная авиация уже в первый день одновременным ударом противника ровно в 4 часа утра по всем аэродромам была в значительном количестве выбита, не поднявшись в воздух. Горючее для округа по плану генштаба находилось в Майкопе. Дальше Барановичи горючее продвинуться не смогло из-за непрерывной порчи авиацией противника железнодорожного полотна и станций.

Вопрос: Имели ли вы сообщение, что на границе появились самолеты противника?

Ответ: Такое сообщение я получил одновременно с началом бомбежки. 25-го числа противник в направлении Вильно, по сведениям бежавших из Литвы, разгромил 5-ю механизированную дивизию, разбежалась национальная литовская дивизия, и механизированные части противника появились на правом фланге 21-го стрелкового корпуса. Противник устремился на Молодечно, обходя части 21-го стрелкового корпуса, не встречая никакого сопротивления, так как войск на этом направлении не было и неоткуда их было взять.

Приказ народного комиссара обороны, переданный через маршала Шапошникова, — «за Минск драться с полным упорством и драться вплоть до окружения» был доведен до всех войск, и этим объясняется то упорство, с каким войска дрались против многочисленных мехчастей, а израсходовав бронебойные снаряды, части применяли обыкновенные бутылки и фляги, наполненные бензином, и зажигали немецкие танки. Таким способом только одной 100-й дивизией уничтожено не менее 100 танков. Этот способ мною преподан всем войскам был еще зимой этого года, как опыт боев на Халхин-Голе. Однако мехчасти противника обошли Минский УР и, выбросив группы парашютного десанта в районе Смеловичи, соединились с этим десантом, перехватив шоссе Минск — Борисов.

Мною на месте приказано — из людей разных дивизий, отъезжающих с тылов, формировать взводы, роты и батальоны. По взрыву мостов мною была поставлена задача командиру 42-й дивизии Лазаренко — в случае появления танков противника и угрозы захвата переправ, все мосты подорвать, что генералом Лазаренко было сделано при отходе наших частей.

За все время боев штаб фронта работал с полным напряжением, приходилось добывать сведения всякими возможными путями, так как проволочная связь совершенно бездействовала. Она рвалась в западных областях местным антисоветским элементом и диверсантами — лицами, сброшенными с самолетов.

Вопрос: Изменнические действия были со стороны ваших подчиненных?

Ответ: Нет, не было. У некоторых работников была некоторая

растерянность при быстро меняющейся обстановке.

Вопрос: А в чем ваша персональная вина в прорыве фронта?

Ответ: Я предпринял все меры для того, чтобы предотвратить прорыв немецких войск. Виновным себя в создавшемся на фронте положении не считаю.

Вопрос: Сколько времени вы командовали Западным особым военным округом?

Ответ: Один год.

Вопрос: Напрасно вы пытаетесь свести поражение к не зависящим от вас причинам. Следствием установлено, что вы являлись участником заговора еще в 1935 г. и тогда еще имели намерение в будущей войне изменить родине. Настоящее положение у вас на фронте подтверждает эти следственные данные.

***

Всех арестованных генералов расстреляли. Единственная служба в эти дни работала четко и безостановочно — НКВД. Сталин не знал для укрепления армии другой меры: ее он использовал со времен Гражданской войны. Эти люди оказались жертвами его собственных просчетов. Суд над Павловым и другими генералами его штаба, их казнь только подорвали боеспособность командного состава. Многие видевшие и знавшие фактическую ситуацию на фронте, подвергали сомнению обвинения в предательстве и боялись, что это начало новой чистки. Эти опасения усилились после выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 года о восстановлении института военных комиссаров.

Но Сталин скоро понял, что крутые меры не только не укрепили боевой дух, на что он рассчитывал, а, наоборот, усилили тревогу в армии, сковывали инициативу, рождали панику. Командующие фронтами, как и сам Сталин, не имели военного образования, а боевой опыт приобрели на гражданской войне, где они занимали невысокие должности. Им не доставало знаний по тактике ведения боевых действий в современных условиях. В борьбе с вооруженным до зубов и хорошо обученным противником недостатки командующих обнаружились быстро. Сталин требовал от командного состава мужества, решительности, уверенности в руководстве войсками, но образования он потребовать не мог. Некоторые командующие боялись докладывать ему о неудачах, опасаясь обвинений в предательстве.

Про одного из видных генералов рассказывают. После того, как он просидел больше года в тюрьме, его доставили в начале войны прямо из тюрьмы на заседание Политбюро. Сталин сообщил ему о восстановлении его в воинском звании и назначении на высокую должность.

— А за что я просидел так долго без суда и следствия? — посмел осведомиться генерал.

Сталин повернулся к членам Политбюро и пошутил:

— Ха, он еще недоволен!

27 июня Сталин приехал вместе с Берия, Молотовым и Маленковым в Наркомат обороны. Тимошенко, Жуков и Ватутин встретили их в мрачном расположении духа. Жуков с ходу начал переругиваться с самоуверенным Берия. Сталин понял, что надо дать генштабу работать, и решил увести партийную команду. Может быть, в этот момент он впервые осознал свою некомпетентность, а

также то, что Жуков уже не боялся ни Берия, ни его самого. Тогда он решил, что пришел конец. «Все, что создал Ленин, мы просрали!», сказал он, как потом доложил на XX съезде Хрущев. Нервы не выдержали, он впал в состояние мрачного отчаяния, уехал на Ближнюю дачу и лег спать. Несколько дней после этого он пребывал в бездействии: никого не принимал и к телефонам не подходил.

Обстановка требовала немедленных решительных действий, но, осознавая свою вину, он выжидал. Пусть они там, отобранные, вымуштрованные, но беспомощные без него, сами осознают необходимость его руководства. И все члены Политбюро приехали на дачу к нему, умоляли взять на себя руководство. *«Наверно, среди вас есть такие, которые не прочь переложить вину на меня»*. Пришедшие члены активно возражали, уговаривали, и уговорили.

Молотов: *«Спасибо за откровенность, но заявляю: если бы кто-то попытался направить меня против тебя, я послал бы этого дурака к чертовой матери... Мы просим тебя вернуться к делам. Со своей стороны, мы будем активно помогать»*.

Сталин: *«Но все-таки подумайте: могу ли я дальше оправдывать надежды, довести страну до победного конца. Может, есть более достойные кандидатуры?»*

Ворошилов: *«Думаю, выражу единодушное мнение: достойнее никого нет»*.

Все дружно и усердно: *«Правильно! Правильно!»* Знали, кто не будет усерден — обречен.

Так описывает эту душераздирающую сцену Эдвард Радзинский, изучив документы, воспоминания и журнал регистрации посетителей кабинета Сталина в эти дни, когда страна обливалась кровью. Среди верных сподвижников не нашлось никого, кто бы осмелился претендовать на власть и руководство защитой страны. Они простили его и снова уговорили быть вождем. А народ? Народ был не в курсе.

Наконец 30 июня был образован Государственный Комитет Оборона (ГКО) — верховный орган, чьи приказы исполнял Совет Народных Комиссаров через комиссариаты. Ставка, решавшая военные вопросы, была переоборудована в Ставку Верховного Главнокомандования. Теперь в ее совет входили: Сталин (председатель), Молотов, Тимошенко, Ворошилов, Буденный, Шапошников и Жуков. 19 июля 1941 года Сталина назначили наркомом обороны, а 8 августа — Верховным Главнокомандующим Вооруженных сил СССР.

Третьего июля, через двенадцать дней после немецкого вторжения, Сталин выступил по радио с обращением к народу. *«Товарищи, граждане, братья и сестры, бойцы нашей армии и флота! Я обращаюсь к вам, друзья мои»* — так начиналось обращение Сталина к народу. Эти слова поразительно отличались от обычной формы его обращения и напоминали скорее церковную проповедь из его семинаристской юности. Это была историческая речь, взывавшая к национальной гордости народа, его инстинкту защиты Отечества. Сталин говорил как друг и руководитель. Он обрисовал сложившееся тяжелое положение, и каждое слово было проникнуто неукротимой волей к победе. *«Хотя отборные дивизии и авиационные части врага уже разбиты и наши смерть на поле боя, противник продолжает рваться вперед. Советско-германский пакт должен был дать мир или хотя бы отсрочить войну, но Гитлер вероломно нарушил свои обязательства и внезапно напал на Советский Союз. Однако это преимущество будет недолгим... Враг жесток и безжалостен. Он ставит своей целью захват наших земель,*

политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма... Онемечение народов Советского Союза, превращение их в рабов немецких князей и баронов». Он призвал народ перестроить всю жизнедеятельность и экономику страны соответственно требованиям войны, подняться на священную борьбу, покончить с беспечностью и повысить бдительность. Все ценное имущество должно быть эвакуировано, а в случае невозможности эвакуации — уничтожено. Не оставлять врагу ни одного вагона, ни грамма зерна, ни капли горючего. В оккупированных районах надо создавать партизанские отряды и подпольные организации, взрывать мосты и дороги, выводить из строя телефонные и телеграфные линии, сжигать склады и транспорт, создавать невыносимые условия для врага и его пособников, преследовать и уничтожать захватчиков повсеместно, расстраивать их планы всячески, чтобы земля горела под ногами оккупантов. Сталин выразил благодарность за обещанную Черчиллем помощь. Он напомнил о вторжении Наполеона и о победе России над французами и добавил, что Гитлер не более непобедим, чем Наполеон. Он разъяснил, что эта война — отечественная и советский народ ведет ее за освобождение всех народов. Он призвал весь народ «сплотиться вокруг партии Ленина и Сталина».

Четвертого июля приняли одну из первых и наиболее важных директив ГКО — о переводе промышленности на восток. Эвакуация 1523 промышленных предприятий, многие из которых были индустриальными гигантами, в том числе 1369 крупных производителей вооружений, стала выдающимся достижением и героическим подвигом. Демонтаж и перемещение заводов вызвали резкий спад производства. Осенью 1941 и весной 1942 года ощущалась острая нехватка вооружения и техники. Однако к лету темпы производства стали нарастать.

В момент смертельной опасности Сталин проявил недюжинные организаторские способности. Сначала он растерялся, посчитал войну проигранной, начал лихорадочно искать спасение для себя лично. Об этом свидетельствует тот малоизвестный факт, что в сентябре 1941 Сталин поручил Берия прощупать возможность соглашения с Гитлером через болгарского посла Ивана Стаменова, который одновременно был советским агентом. Речь могла идти в это время только о капитуляции типа Брестского мира в Первой мировой войне. По данным Д. Волкогонова, Сталин, Молотов и Берия встречались со Стаменовым, который отказался от этой миссии, заявив, что уверен в конечной победе СССР, если даже Красная Армия отступит до Урала.

Но вскоре, очнувшись, Сталин поверил в возможность победы и в себя. Взамен разбитых немцами, убитых, плененных и окруженных пяти миллионов советских солдат и офицеров, было призвано в армию пять миллионов новых, многие из которых были патриотично настроены и рвались на фронт. И все же замена была неадекватна. Необученные, едва вооруженные, руководимые еще не оперившимися офицерами, они гибли тысячами.

***

Почти полвека после окончания войны люди не могли до конца понять причины позорного поражения Красной Армии и невероятного соотношения потерь наступающей и отступающей армий — более чем один к десяти. Немецкие

войска, как горячий нож в масло, вошли в страну, заняли Прибалтику, Белоруссию, Украину, дошли до Москвы, окружили Ленинград. Репрессии командного состава, приведшие к ведению войны под руководством неопытных командиров, — это, разумеется, основная причина. Как она проявлялась? В воспоминаниях современников, участников боев, жителей оставленных врагу городов и деревень, когда некоторые факты стыдливо замалчивались победителями, в последнее время начала проглядывать истинная картина. Появились документальные фильмы, например: «Забытый полк», «Безымянная высота», «Штрафные души», «Штрафбат» и другие. Да, так было. Сталин отдавал приказ о наступлении в том районе, где сосредотачивались реальные силы Красной Армии. Приказ катился сверху вниз по штабам от генералов к лейтенантам, конкретизируясь в названиях городов, деревень, высот и рек. И каждый боялся ослушаться, понимая, что невыполнение приказа грозит расстрелом. Потери списывались на немцев, а невыполнение приказа о наступлении — на командиров. Поэтому на самой нижней ступени сержанты и старшины гнали в лоб на автоматы, пулеметы, танки мальчишек-патриотов, штрафников. Своих ошибок Сталин никому не прощал.

На одной безымянной высоте в 300 км от Москвы полегло несколько тысяч солдат, которые шли с трехлинейными винтовками образца 1893 года на пулеметы. Атаки следовали одна за другой, мертвых не хоронили, их кости собрали только полвека спустя. Наконец, высота была взята — благодаря подходу гвардейских минометов. На высоте обнаружили семь (!) трупов немецких солдат. Этому невозможно было бы поверить, если не вспомнить, что в блокадном Ленинграде погибло около миллиона человек, а немцы, стоящие в окружении, практически не несли потерь. Когда, почти через три года, прорыв был, наконец-то, совершен, больше всего бойцов поразило, что в уютных блиндажах они нашли все признаки благополучной жизни оккупантов, включая туалетную бумагу.

Да и много позже, уже при победоносном наступлении Красной Армии, соотношение потерь существенно превышало записанное в военных учебниках соотношение потерь в обороне и наступлении — один к трем. Сталин, Жуков, и все, вплоть до лейтенантов, потерь не считали. Мертвых солдат не хоронили, пленных списывали в изменники. Заградительные отряды СМЕРШ стреляли в отступающих, предоставляя им альтернативу умереть в бою или от пули энкавэдэшников. Для последних малейшее послабление фронтовикам означало перевод на передний край. Так и катилась под пули, то назад, то вперед, серая масса человеческих тел, у которой «на много миллионов рук и ног была всего одна голова» — самовлюбленная, не слишком умная, но совершенно безжалостная, вселяющая страх и поклонение.

Все для фронта, всех для победы

Я только раз видала рукопашный.

Раз наяву и тысячу во сне.

Кто говорит, что на войне не страшно,

Тот ничего не знает о войне.

Юлия Друнина

Уже летом сорок первого года передовые немецкие части вышли к Смоленску. Узнав о сдаче Смоленска, Сталин пришел в бешенство. В конце июля, когда поражение под Смоленском стало неизбежным, Жукову позвонил Поскребышев: «Сталин приказал вам и Тимошенко немедленно прибыть к нему!» За столом сидели почти все члены Политбюро. Сталин стоял посередине комнаты и держал погасшую трубку в руках, что, по словам Жукова, было «верным признаком плохого настроения».

— Вот что, — сказал Сталин. — Политбюро обсудило деятельность Тимошенко на посту командующего Западным фронтом и решило освободить его от обязанностей. Есть предложение на эту должность назначить Жукова. Что думаете вы? — спросил он, повернувшись к ним.

Тимошенко молчал. Жуков ответил, что частая смена командующих фронтами тяжело отражается на ходе операций. Тимошенко командует фронтом менее четырех недель. В Смоленском сражении он сделал все, что можно было сделать. Войска поверили в него, и было бы несправедливо и нецелесообразно сейчас освобождать его от командования фронтом.

— А что, пожалуй, правильно, — заметил Калинин.

Сталин не спеша раскурил трубку, окинул всех взглядом и спросил:

— Может быть, согласимся с Жуковым?

— Вы правы, товарищ Сталин, — раздался голоса. — Тимошенко может еще выправить положение.

Тимошенко приказали немедленно выехать на фронт.

Продвигаясь в северном направлении, германские войска оккупировали прибалтийские республики. 12 июля они вошли в Псков. Ленинградцы возводили оборонительные сооружения, отбивая атаки на подступах к своему городу. К началу осени немецкие войска блокировали Ленинград. За недалновидную и некомпетентную организацию защиты города ругали Ворошилова, Жданова и председателя горисполкома Попкова. Под бомбами сгорели городские продовольственные склады. Приближение врага и воздушные налеты, по-видимому, повергли Ворошилова в панику. В сентябре Сталин послал Жукова принять у него командование. Жуков восстановил порядок, организовал оборону.

Еще никто не предвидел, что Ленинград, в котором жило около трех миллионов жителей, подвергнется трудной, длительной блокаде, которая продлится 900 дней. Сталин, озабоченный в первую очередь обороной Москвы, вообще приказал войскам прорываться на восток, оставив город немцам. К счастью, они не смогли этого сделать. Эвакуацию не организовали, после пожара на продовольственных складах запасы продовольствия составили 60-дневную норму. Кольцо блокады замкнулось 8 сентября 1941 — на целых 900 страшных дней. Орудийный обстрел и бомбардировки продолжались все время. В городе от холода и голода умерло более 750 тысяч человек. Паек для работающих составлял 125 граммов хлеба, значительная часть которого состояла из целлюлозы. Электростанции оказались в руках немцев. Были съедены собаки, кошки, потом и крысы. Зимой 1942 года в городе орудовали целые банды мародеров, нападавшие на людей, чтобы отнять продуктовые карточки. 300 человек расстреляно за людоедство. Все это происходило наряду с актами подлинного героизма и взаимопомощи. После разгрома Красной Армии под Брянском и Вязьмой Сталину было не до

Ленинграда: враг подходил к Москве. Ленинградским войскам дали указание отходить на восток, затем прорываться на восток, оставив город немцам. Но они не смогли прорвать окружения и стали оборонять город. Сталин осознал значение Ленинграда только в связи с тем, что в случае его падения на фронте появится дополнительно мощная группировка немецких войск. И тогда была организована «дорога жизни» по льду Ладожского озера.

На юге продвижение немцев было ненадолго приостановлено у Львова и в других районах, но затем германские войска вновь устремились на восток, угрожая непосредственно Киеву. 29 июля Жуков попросился на прием к Сталину для срочного доклада. В кабинете Сталина уже сидел Мехлис, который враждебно относился к Жукову. Жуков разложил карты и подробно доложил обстановку. Он предложил, во-первых, перебросить восемь дивизий с Дальнего Востока для укрепления московского направления и, во-вторых, отвести Юго-Западный фронт за Днепр. Сталин сразу же спросил о Киеве.

Зная, что его слова вызовут гнев, Жуков, преодолев эмоции, твердо сказал:

— *Киев придется оставить.*

Сталин взорвался:

— *О чем вы говорите? Что за чепуха? Как вы могли додуматься до такого — сдать Киев врагу?*

Но Жуков твердо ответил, что, если Сталин считает, что как начальник Генерального штаба он способен «только чепуху молоть», то в таком случае просит освободить его от этих обязанностей и послать на фронт.

— *Не горячитесь, — ответил Сталин. — А впрочем, если вы так ставите вопрос, мы сможем без вас обойтись. Идите работайте, мы это обсудим и вызовем вас.*

Минут через сорок Жукова вновь вызвали к Сталину.

— *Мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба, — сказал Сталин. — На это место назначим Шапошникова. Правда, у него со здоровьем не все в порядке, но ничего, мы ему поможем.*

Затем Сталин спросил, куда бы Жуков хотел поехать, и согласился, что ему следует лично взяться за организацию контрнаступления под Ельней, которое Жуков сам предлагал. Когда Жуков попросил разрешения отбыть, Сталин улыбнулся и предложил ему выпить с ним чаю. Но разговора так и не получилось. Сталин напомнил Жукову, что тот остается членом Ставки Верховного Главнокомандования.

В начале сентября Гудериан получил приказ наступать в южном направлении. Его танковые дивизии стремительно двинулись вперед, и вскоре возникла угроза Юго-Западному фронту с тыла. Еще южнее другая немецкая группировка овладела Днепропетровском, и хотя Сталин постоянно требовал удержать рубеж Днепра, ей удалось форсировать реку и продвинуться в северном направлении. Седьмого сентября командующий Юго-Западным фронтом Кирпонос доложил об этом Буденному и Шапошникову. Сталин раздраженно отмахнулся от его предупреждения об угрозе. Он был намерен удержать Киев, и обвинил командование фронтом в пораженческих настроениях. В конечном счете, он приказал отвести Юго-Западный фронт на рубеж Десны, но настаивал на том, чтобы Кирпонос удерживал Киев. Командование фронтом понимало реальное

положение, но Шапошников *«просто не мог набраться смелости доложить товарищу Сталину всю правду»*. Наконец Буденный позвонил Шапошникову, ничего не добившись, послал телеграмму Сталину, подчеркнув опасность обстановки. Буденного немедленно отстранили от командования. Хрущев остался членом Военного совета: по-видимому, он протестовал не так энергично, как писал об этом впоследствии. Буденного сменил Тимошенко, который прибыл в Киев 13 сентября. Организованная Сталиным смена руководства не помогла — через три дня город был окружен немцами. Четыре советские армии оказались в ловушке — свыше 450 тыс. человек, в том числе 60 тыс. командного состава. Погибли четыре генерала из командования фронтом, тысячи солдат пали, прорываясь из окружения. Это было самое сокрушительное поражение Красной Армии и большая тактическая победа немцев.

За первые три месяца войны немецкие войска достигли таких значительных успехов, что Гитлеру казалось, будто Россия падет так же постыдно быстро, как Франция. Он решил захватить Москву до прихода зимы, считая, что овладение столицей вызовет падение советского правительства. Второго октября Гитлер отдал приказ войскам, нацеленным на Москву: *«Сегодня начинается последнее и решающее сражение года»*. Командующий Западным фронтом Конев 26 сентября доложил в Кремль, что наступление немцев неизбежно. Ставка приказала ему стоять насмерть. Главный удар немцы нанесли с позиций южнее Вязьмы. Второго октября Гудериан взял Орел. Наступающие германские войска окружили Вязьму. Связь между войсками и Ставкой была неэффективной, Сталин узнал о создавшейся угрозе, когда было уже слишком поздно что-либо исправить. Пятого октября Сталин отозвал Жукова из Ленинграда, назначил его командующим, а Конева заместителем.

С приближением немцев к Москве городом все больше овладевал страх и дух обреченности. Уже 12—13 октября ГКО отдал распоряжение об эвакуации на восток многих правительственных организаций и дипломатического корпуса. К концу месяца город покинули около двух миллионов человек. Продолжались воздушные налеты, начавшиеся еще в июле, но, уверенные в скором падении Москвы, немцы не делали ставку на бомбардировки. Массовая эвакуация и страх перед немецкой оккупацией вызвали панику. Люди толпами устремились на вокзалы, пытаясь любым путем выбраться из обреченного города. Слухи о том, что Сталин и Политбюро уже покинули Москву, усугубляли обстановку. 19 октября объявили осадное положение.

Сталин не хотел снимать армии с Дальнего Востока, опасаясь нападения Японии и войны на два фронта. Вместе с тем, пока у него в резерве была дальневосточная армия, была в запасе и огромная территория, куда можно отступить, сдав немцам Россию хоть до Урала. Он решил бросить на защиту Москвы «народное ополчение» — практически безоружное, но полное энтузиазма «пушечное мясо», способное закрыть прорыв своими трупами. В Ленинграде в течение нескольких дней организовали подобное ополчение в количестве 300 000 человек, которые потом сдерживали немцев более двух лет. Вот что рассказал писатель Даниил Гранин, участвовавший в Ленинградском ополчении:

Я начал войну в Народном ополчении, фактически мы ехали на фронт безоружными. У меня была лишь бутылка с противотанковой «горючкой», у

некоторых — винтовки образца 1898 года. Части Красной Армии отступали через нашу линию обороны, за пачку «Беломора» я выменял две гранаты и саперную лопатку, так мы вооружались. В сентябре под Ленинградом меня назначили командиром дота. Чтобы проверить наше 122-миллиметровое орудие, мы зарядили его и выстрелили в немецкую сторону. Примчался ротный, изматерил нас и пригрозил мне трибуналом. За то, что расходую без приказа боеприпасы, — снарядов не было.

Первые месяцы останавливали противника, ложась под танки. Лозунг того времени — «Грудью на защиту Ленинграда!» Грудью и защищали — ничего, кроме груди, не было. Потери первых месяцев войны астрономические. Немцы не считали снарядов, они двигались, распевая песни, на машинах, на мотоциклах. Когда мы впервые взяли немецкие землянки, нашли там горячий кофе. Я помню, как это нас возмутило: термос с горячим кофе и рулон туалетной бумаги! Мы понятия не имели, что такое туалетная бумага, — мы и газетами-то не могли подтираться, потому что газеты нужны были для самокруток. С первого дня войны мы испытывали унижение от своей нищеты. Нам лгали начальники, газеты, сводки. Мы воевали с фашистами, как тогда их называли. Но злость наша была обращена и к бездарному нашему командованию, и к тому многолетнему обману, который постепенно раскрывался перед нами.

Гитлер все рассчитал правильно, немецкий генеральный штаб четко осуществлял план войны. Противник допустил только одну решающую ошибку. Он полагал, что первые месяцы войны сломят дух народа. Этого не произошло. Мы отступали, бежали, наши части гибли в окружении, но вот что странно: ничто не могло уничтожить уверенности в том, что мы победим. Она появилась с самого первого дня, эта уверенность — война кончится поражением Германии. Почему? Может быть, то было неосознанное чувство высшей справедливости. Психологический фактор стал грозным оружием — единственным оружием, которого не было у противника.

Бардак, иначе не назовешь, который царил под Москвой, был еще страшнее. Брошенные под немецкие танки интеллигенты, вчерашние школьники, рабочие почти все погибли, заслонив на короткое время Москву до подхода армии с Востока. Там были и молодые «диверсанты», вроде Зои Космодемьянской, погибавшие в подмосковном немецком тылу с заданием поджигать постройки в деревнях. Они делали эту работу и погибали с именем Сталина на устах. Их не жалело командование ни по ту, ни по эту сторону фронта. Из мальчиков призывного возраста — 1922—1924 годов рождения — с войны вернулось только три процента. Как они выжили — эти счастливики?

Рассказ Владимира Довлатова:

«В октябре 1941-го я попал в Московское ополчение. Я учился в восьмом классе и жил на Арбате. В один из дней всю нашу школу согнали на Потылиху, что возле Мосфильмовской улицы, во двор средней школы. Дали нам охотничьи ружья по одному на пять человек, дали малокалиберные винтовки — тоже на пять человек одну, и еще дали пять сабель. Все! Формы никакой не было: кто в чем пришел, в том и пошел воевать. Командиром нашего подразделения был наш преподаватель по литературе — красивый мужик, добрый.

Отправили нас по Можайскому шоссе в Жуковку, к которой уже подходили немцы. Это примерно в километрах 15 от Москвы. Мы там расположились в лесу, в 2—3 километрах от шоссе. Вдруг услышали гул танков. Послали разведчиков. Когда они вернулись, стало ясно, что немцы прошли на танках мимо нас и остановились, а их подразделения оцепляют близлежащие деревни. Командир вызывает меня и говорит: «Володя, тебе надо прорваться в Москву и сообщить, что мы в окружении, и что сопротивляться мы не можем, поскольку оружия у нас нет. Бери мотоцикл и дуй в наш военкомат». У нас был мотоцикл «Красный Октябрь», и я был единственным в школе, кто умел на нем ездить. Оказалось, что деревню, через которую мне надо было проехать, уже заняли немцы. И вот я еду и вижу — стоит группа немцев, человек 5—6, о чем-то говорят. Остановившись уже поздно, и я, прямо как замороженный, еду на них. Они повернули головы, посмотрели на меня, но не среагировали. Потом кто-то чего-то крикнул, я страшно перепугался, дал по газам и стал вилить на мотоцикле. Они пустили очередь, но не попали. Вылетаю из этой деревни в лес, и — сразу в дерево. И когда я шлепнулся об это дерево, вилка у мотоцикла согнулась, и я пешком пошел в Москву. Пришел в военкомат уже ночью:

— Я из ополчения. Наши окружены. Сопротивляться нам нечем, — говорю я.

— Ты откуда сам? — говорят мне.

— С Арбатской площади.

— А родители где?

— Там.

— Ну, иди домой.

Все. Я пошел домой. Мама обрадовалась, что сын живой вернулся. Короче, из этого ополчения никто не вернулся! Всех перебили!

...Однажды весной или в начале лета нас перебросили в Городец, что под Горьким — ожидали налетов немецкой авиации. Командир части вызвал насколько человек, в том числе и меня, и приказал поехать в Горький, забрать оставшееся барахло. Приезжаем, а от нашей части ничего не осталось — одни воронки и ползавода разрушено...»

Шестого ноября Сталин выступил на торжественном заседании в честь 24-й годовщины Октябрьской революции — в зале станции метро «Маяковская». Он сказал, что блицкриг в России провалился, выразил полную уверенность в мощи Красной Армии и в успехе всенародного сопротивления.

Временные неудачи на фронтах возникли из-за вероломного нарушения Германией мирного договора и внезапного нападения. Красной Армии не хватает танков и самолетов, поэтому Сталин призвал к всемерному увеличению производства. Хотя Россия не одинока в борьбе против гитлеровской Германии, так как США и Англия выразили ей свою поддержку, все же «одной из причин неудач Красной Армии является отсутствие второго фронта в Европе... Обстановка сейчас такова, что мы боремся сейчас за свободу в одиночку без какой-либо военной помощи против объединенных сил немцев, финнов, румын, итальянцев и венгров». На следующее утро Сталин присутствовал на традиционном военном параде на Красной площади. Войска прямо с парада отбывали на фронт.

После уничтожения 200 дивизий на Восточном фронте в центральной России, в Сибири и на Кавказе было еще около 220 дивизий, но совсем не готовых; времени, чтобы приводить их в порядок, не было; их сажали в поезда и везли на запад, чтобы как-нибудь задержать немцев. Уже в пути их бомбила немецкая авиация; прямо из вагонов их бросали в бой. Одновременно формировали десятки рабочих и ополченских дивизий. Артиллерии, танков и авиации у них не было. Вооружены только винтовками и пулеметами, а некоторые только ручными гранатами или бутылками с зажигательной смесью, получившими название «коктейль Молотова». И тогда был издан приказ наркома обороны Сталина, известный как «Ни шагу назад!».

Народного комиссара обороны Союза ССР № 227

ПРИКАЗ

28 июля 1942 г., г. Москва.

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступить на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства безграничны. Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн. населения, более 80 млн. пудов хлеба в год и более 10 млн. тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами

территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступить, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки

фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу? Я думаю, что следует.

ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по

трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий;

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять в военные советы фронта для предания военному суду:

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны И. СТАЛИН

Теперь невозможно представить себе, как бы сложилась война, во что обошлась бы победа, докуда докатился бы вал немецкого наступления, если бы неукоснительное соблюдение этого приказа было бы нарушено.

С одной стороны, к лету 1942 года, немецкие войска уже выдохлись и морально и материально. Блицкриг «приказал долго жить». Растянутые коммуникации, людские потери немцев, склонность вермахта к нарушению установившихся правил ведения войны (проявлявшаяся, в частности, в уничтожении мирного населения и в мародерстве), враждебное отношение оккупированного населения, отчаянные приказы Гитлера, все чаще вмешивавшегося в логичные предложения немецких генералов, неприспособленность немецкой армии к российским дорогам и морозам, — все это приводило к затягиванию войны.

С другой стороны, разгром Красной Армии в первые месяцы войны, многомиллионные людские потери, моральная деградация в связи с очевидным несовпадением пропаганды и реальности, очевидное превосходство немцев в вооружении привели к значительной утрате боеспособности теми частями, которые встретили вал немецкого наступления. Обещанная победа над морально неполноценным врагом, поддержка угнетенного капиталистами рабочего класса, «победа — малой кровью на чужой территории» не состоялись. Явное превосходство немецкого вооружения: автоматы против винтовок, большее число самолетов, танков, транспортные возможности противника, в считанные недели захватившего миллионы пленных и большую часть наиболее развитой территории страны, — все это не способствовало решимости бойцов отдавать жизни за идеалы большевиков.

И Сталин «поставил на карту» жизни миллионов людей за спасение своей власти. Теперь это совпадало со спасением страны, и народ поддержал его. В приказе была прописана альтернатива: умереть в бою или быть расстрелянным как предатель. Были организованы специальные отряды НКВД — СМЕРШ (СМЕРть Шпионам), но расстреливали они не шпионов, а отступающие штрафные батальоны, а порой и обычные части. Приказ соблюдался беспощадно — расстрелу подлежал не только каждый, кто отступил под натиском врага, но и тот, кто не расстрелял отступившего. Никто не хотел умирать, поэтому расстреливали и тех, кто мог бы отступить по тактическим соображениям, кто отдал приказ отойти, чтобы сохранить бойцов для последующей атаки. И так было везде: и на

безымянной высоте, и при обороне Москвы или Киева расстреливали командиров, сдавших позицию врагу. Характерен такой диалог по телефону после сдачи подмосковного городка Тарусы:

Жуков: «Расстрелян ли командир батальона, оставившего позиции?»

Командующий армией: «Командир батальона пал смертью храбрых на поле боя».

Жуков: «Расстрелян ли заместитель, принявший командование батальоном?»

Сталин и Жуков сошлись характерами и принципами — оба не умели жалеть человеческого мяса в войне. Были приняты жесткие меры по укреплению дисциплины и искоренению дезертирства. В октябре Сталин ввел в армии единоначалие: комиссарам запрещалось расстреливать бойцов за трусость и невыполнение приказов, им вменили в обязанность заниматься только политической работой.

***

В начале октября наступление на Москву было остановлено. Немцы сразу же изготовились ко второму броску. Они не были должным образом оснащены для русской зимы и торопились использовать наступательный порыв. Русские отчаянно строили укрепления и подтягивали резервы. За четырнадцать дней удалось сосредоточить 100 тысяч бойцов, 300 танков и 2 тысячи орудий. Жуков доложил Сталину, что противник сосредоточивает силы на Волоколамском направлении. Сталин тут же приказал нанести контрудары. Он не хотел ждать, когда атакует противник, и жаждал действий. Жуков был против контрударов, так как позиции противник уже укрепил. Сталин был непреклонен. Контрудары нанесли, но успеха это не принесло. 13 октября разгорелись ожесточенные бои на всех оперативных направлениях, ведущих к Москве. В некоторых местах противнику удалось вплотную приблизиться к городу. 17 октября Генштаб во главе с Шапошниковым эвакуировали из Москвы. Сталин остался с двумя помощниками — Василевским и Штеменко. Он позвонил на фронт Жукову.

— Вы уверены, что мы удержим Москву? — спросил Сталин. — Мне больно об этом спрашивать, ответьте честно, как коммунист.

— Мы отстоим Москву, во что бы то ни стало, — ответил Жуков, — но нам нужно как минимум еще две армии и 200 танков.

— Это хорошо, что вы так уверены, — сказал Сталин. Позвоните в Генеральный штаб и договоритесь о двух резервных армиях, они будут готовы к концу ноября. Но у нас пока нет танков.

К концу октября наступление немцев захлебнулось, но уже 15 ноября они начали новое решительное наступление на Москву. Силы немцев на этом участке были в 2,5 раза больше советских. Враг приблизился к городской черте, но далеко продвинуться ему не удалось. Сталин, Жуков и Тимошенко приступили к планированию зимнего контрнаступления. Ранним утром 30 ноября Сталин позвонил Жукову и предложил, чтобы весь Западный фронт перешел в наступление. Жуков выразил озабоченность нехваткой авиации и танков, особенно новых танков Т-34, которые уже доказали свое превосходство. Сталин ответил, что танков нет, но авиационная поддержка будет обеспечена.

Зимнее контрнаступление, предпринятое 6 декабря, проходило успешно. К середине января 1942 года немцев отбросили на некоторых участках фронта на

двести километров. Однако нехватка танков и машин, а также суровая зима замедлили продвижение русских. Но она же способствовала поражению немцев.

Битва за Москву — знаменательное событие; она стала поворотным пунктом в войне. В ней участвовали 2 миллиона человек, 2500 танков, 1800 самолетов, 25 тысяч орудий. Потери с обеих сторон были огромны. Но миф о непобедимости немецкой армии был развеян. А главное – отстояли Москву.

Первого ноября 1941 года германское верховное командование объявило результаты войны к этому дню: немецкой армией уничтожено полностью 306 советских стрелковых дивизией; взято в плен 4 800 000 человек; захвачено или уничтожено 12 500 танков и 11 000 самолетов. За то же время германская армия потеряла убитыми, ранеными и больными 743 000 человек или 23% состава.

Данные советского командования, с которых недавно снят гриф секретности, иные.

Потери личного состава Красной Армии и Военно-Морского флота в боях 1941 г.

Операция	Сроки	Численность советских войск, человек	Безвозвратные потери, человек	Общие потери, человек
Прибалтийская	22 июня — 9 июля	398 000	75 202	88 557
Белорусская	22 июня — 9 июля	627 300	341 073	417 790
Львовско-Черновицкая	22 июня — 9 июля	864 600	172 323	223 594
Запоярье, Калерия	29 июня — 10 октября	358 390	67 265	135 713
Киевская	7 июля — 26 сентября	627 000	84 240	700 544
Ленинградская	10 июля — 30 сентября	517 000	214 078	344 925
Смоленская	10 июля — 10 сентября	581 600	486 171	759 974
Донбасско-Ростовская	29 сентября — 16 ноября	541 600	143 313	160 576
Московская	30 сентября — 5 декабря	1 250 000	514 338	658 279
Итого	22 июня — 5 декабря	5 765 490	2 098 003 (36,4%)	3 489 952 (60,5%)

Мы за ценой не постоили.